

199691-уз.

Исторический музей

11764.

г. III.

1901/1902.

53 410

1355

367

„Извѣстія Восточнаго Института“. Томъ III. 1901—1902 академическій годъ.

Подъ редакцію директора Института А. ПОЗДНѢВА. Статья 5-я.

#764

9/52

Л. БОГОСЛОВСКІЙ,

Б.74

студентъ II курса Восточнаго Института.

#764

КЪ ВОПРОСУ

О ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЯПОНЦЕВЪ.

19969/42

Этическія основы жизни благороднаго сословія въ Японіи.

53 410

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Паровая Типо-литогр. газ. „Дальній Востокъ“.

1902.

✓ 28 57

Напечатано по опредѣленію Конференціи Восточнаго Института.

За Секретаря Гр. Подставинъ.

cm

Оглавленіе.

Предисловіе	1
I. Бусидо	4
II. Исторія 47 вѣрныхъ вассаловъ	38
III. Местъ Кадзумы	55
IV. Хара-кири	69

КЪ ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЪ ЯПОНЦЕВЪ.

Этическія основы жизни благороднаго сословія въ Японіи.

(Студента II курса Леонида Богословскаго)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ книги «Бусидо,» —японецъ Инадзо Нитобе, въ предисловіи къ этой своей маленькой книжкѣ говоритъ: «Лѣтъ десять тому назадъ (книга написана въ 1899 г.) я пользовался гостепріимствомъ уважаемаго бельгійскаго юриста, г-на Лавеле, теперь умершаго. Разъ нашъ разговоръ коснулся религіи, «Не можете-ли вы сказать мнѣ», спросилъ почтенный профессоръ, «какъ учатъ религіи въ вашихъ школахъ?» Каково же было его удивленіе, когда я отвѣтилъ ему на его вопросъ о религіи вообще отрицательно. «Нѣтъ религіи»? воскликнулъ онъ. «Но какъ же дается у васъ нравственное воспитаніе?» Этотъ вопросъ поставилъ меня тогда втупикъ: я не имѣлъ готоваго отвѣта, потому что нравственные принципы, которые я воспринялъ въ дѣтствѣ, не были даны мнѣ школой. Но когда я началъ анализировать различные элементы, которые образовали мои нравственные понятія, я нашелъ, что Бусидо научило меня всему, что касается этой стороны жизни человека въ Японіи. Я пришелъ къ заключенію, что, безъ пониманія японскаго феодализма и Бусидо, нравственные идеи современной Японіи будутъ совершенно непонятны. Моя книжка состоитъ изъ того, что я слышалъ и что узналъ въ дѣтствѣ о нравственныхъ требованіяхъ, когда феодализмъ былъ еще въ силѣ».

Переводъ этой маленькой книжки съ незначительными пропусками и небольшими добавленіями, подкрѣпленный тѣмъ, что я лично имѣлъ возможность видѣть и наблюдать, и составляетъ одну часть моей работы.

Для иллюстраціи сказаннаго въ «Бусидо» мною взятъ историческій разсказъ о подвигѣ 47 японскихъ рыцарей, самый популярный изъ всѣхъ Японскихъ разсказовъ, знакомый всякому въ Японіи, отъ мала до велика. Насколько популярно событіе, затронутое въ этомъ разсказѣ, можно судить изъ того, что японскіе мальчики и теперь еще, собираваясь въ числѣ 47,

разыгрываютъ отъ начала до конца всѣ сцены изъ жизни 47 рыцарей. Этотъ разсказъ, какъ и слѣдующій «Местъ Кадзумы», также иллюстрирующій сказанное въ «Бусидо» и также очень популярный, взяты изъ книги Митфорда «Tales of old Japan.» Митфордъ въ своихъ разсказахъ является не больше какъ переводчикомъ того, что варьируется на разные лады въ японской литературѣ, о чемъ онъ неоднократно и заявляетъ въ своей книгѣ и въ чемъ я имѣлъ возможность убѣдиться лично, прочитавъ его произведенія и бесѣдуя съ японцами.

Такимъ образомъ почти все то, о чемъ говорится въ представляемой мною работѣ, говорится устами японцевъ и является производствомъ японскаго генія.

Служа дѣломъ при Русско-Китайскомъ банкѣ въ Нагасаки, я имѣлъ возможность часто говорить на ту тему, о которой писалъ и наблюдать остатки вліянія рыцарства.

Изъ личныхъ моихъ наблюденій я вынесъ убѣжденіе, что воинъ, рыцарь, является для японца самымъ дорогимъ и высокимъ идеаломъ, въ которомъ нашло себѣ выраженіе все лучшее въ японской націи. Въ лучшихъ лавкахъ, гдѣ продаются японскія антикварныя вещи, вамъ предлагаютъ вооруженіе и одежду рыцаря-самурая, а въ домахъ богатыхъ европейцевъ, давно живущихъ въ Японіи и кой-что знающихъ о Японіи, мечи, конья и брони составляютъ непремѣнное украшеніе ихъ кабинетовъ. На базарѣ вы можете видѣть картинки по преимуществу военнаго характера, представляющія главнымъ образомъ сраженія, или то или иное затруднительное положеніе воина-самурая. Если вы попросите японца разсказать вамъ что-либо изъ прошлаго Японіи, то онъ непремѣнно будетъ говорить вамъ о томъ или другомъ великомъ дайміо, который велъ войну съ сосѣднимъ дайміо и вышелъ изъ нея блестящимъ побѣдителемъ. Нѣсколько разъ я былъ въ Исахайфъ, — мѣстечкѣ, отстоящемъ въ 5 станціяхъ по жел. дор. отъ Нагасаки, тамъ можно видѣть еще остатки прежняго величія могущественныхъ дайміо. По словамъ моего спутника — японца, бухгалтера русско-китайск. банка въ Нагасаки, и друга управляющаго имѣніемъ низнѣшняго владѣтеля и Исахай это былъ одинъ изъ мелкихъ и не очень вліятельныхъ дайміо въ эпоху феодальной Японіи. Но его владѣнія и теперь еще производятъ впечатлѣніе силы и могущества и даютъ представленіе о томъ громадномъ вліяніи, которымъ пользовались нѣкогда великіе дайміо.

Громадный домъ, — дворецъ по сравненію съ жилищами — шалашами обыкновенныхъ японцевъ, — со множествомъ комнатъ, въ числѣ которыхъ имѣются и пріемныя залы, и комнаты для церемоній, и музеи, хранящіе въ

себѣ фамиліи драгоцѣнности; большой прудъ около дома, въ которомъ плаваютъ гуси и утки и нерѣдко показывается на поверхности воды искусственно разведенная рыба; прочія сооруженія каменныхъ мостовъ и высокіе обелиски, а рядомъ маленькіе домики поселянъ, — все это говоритъ намъ о той обаятельной силѣ, которою еще не такъ давно пользовались самураи и о той массѣ труда, который былъ затраченъ въ пользу князя-господина жителями страны.

Въ нашу послѣднюю поѣздку туда мы встрѣтились съ присланными княземъ Исахайя изъ Токио людьми, которымъ было поручено взять отсюда все наиболѣе цѣнное и отвезти въ столицу. При насъ укладывали лакированные шкапики, рѣзные ящички и дорогую фарфоровую посуду, для отправки въ Токио. Говорятъ, что князь разорился и его фамиліи драгоцѣнности будутъ продаваться съ молотка въ столицѣ. И эти безмолвные свидѣтели богатства могущественныхъ и великихъ дайміо разойдутся повсему свѣту; чайники изъ чистаго фарфора, завернутые въ шелковые футляры, окажутся, по всей вѣроятности, въ рукахъ европейца, какъ украшеніе на его столѣ, или будутъ показываться въ музеяхъ, какъ остатокъ прежняго величія японскаго князя, обладавшаго тонкимъ вкусомъ и имѣвшаго въ своемъ распоряженіи массу денегъ, а въ повиновеніи — массу людей. Народятся и уже нарождаются, даже народились другіе люди, которые будутъ проповѣдывать и проповѣдуютъ новыя идеи и новыя чувства, строя свои основанія на неуловимыхъ остаткахъ великаго феодализма.

Я очень жалѣю, что мнѣ не удалось ближе познакомиться съ виѣшней жизнью феодальныхъ князей, что можно было сдѣлать только живя вблизи княжескаго дворца. Будучи занятъ въ банкѣ съ 9 ч. утра до 5 ч. вечера, имѣя въ своемъ распоряженіи единственный свободный день въ недѣлю — воскресенье, бывая только наѣздами, и то не часто, въ замкѣ князя Исахайя, я, разумѣется, не могъ хорошо ознакомиться со всѣмъ, что тамъ было и не взялъ на себя смѣлость описывать детали, которыя мнѣ пришлось тамъ видѣть.

Владивостокъ

23-го августа 1901 г.

БУСИДО.

I

Японская національная эмблема, вишневый цвѣтокъ,—продуктъ своей страны, плодъ культуры ея земли. Не менѣе чѣмъ вишневый цвѣтокъ представляется самобытнымъ явленіемъ японской жизни, плодомъ ея личной духовной культуры, японское рыцарство.

Болѣе высокихъ идеаловъ, чѣмъ идеаль воина, для японца не существовало; вотъ почему идеалы рыцарства до сихъ поръ высоко почитаются японцами,—на нихъ и теперь еще воспитывается вся народная масса. Условія жизни, подъ вліяніемъ которыхъ создались военно-рыцарскіе идеалы, разумѣется, измѣнились, но, подобно тому, какъ мы пользуемся свѣтомъ звѣздъ, прежде свѣтившихъ, а теперь потухшихъ, такъ и свѣтъ рыцарства до сихъ поръ представляетъ собою ту жизненную тропинку, которая ведетъ ко всему лучшему въ японской націи.

Нравственныя требованія японскаго рыцарства, его идеалы и стремленія, сдѣлавшіяся критеріемъ всего хорошаго, обозначались словомъ «Бусидо». Сложный терминъ Бусидо дословно значитъ «военно-рыцарскій путь», т. е. такой образъ дѣйствій и направленіе жизни, при посредствѣ которыхъ рыцари охраняли свою жизнь и защищали свою честь и касту. Это слово заключаетъ въ себѣ французское «noblesse oblige», русское «честь» и англійское «gentleman». Для иностранца, не японца, трудно уяснить себѣ значеніе этого термина; но у всѣхъ народовъ существуютъ понятія, которые носятъ такой мѣстный оригинальный отпечатокъ, что волей неволей приходится оставлять ихъ безъ перевода. Нѣтъ писаннаго кодекса Бусидо; оно родилось въ душѣ лучшихъ представителей Японіи и сохраняется традиціей, передаваясь отъ отца къ сыну, заимствуя изъ жизни свое содержаніе, расширяясь и пополняясь годами. Правда въ XVII столѣтіи былъ написанъ военный уставъ Буке хатта; но 13 главъ его гсворятъ по преимуществу объ отношеніяхъ японцевъ къ браку, наслѣдству, торговлѣ и другимъ общественнымъ обязанностямъ, тогда какъ Бусидо является духовнымъ, нравственнымъ закономъ, опредѣляющимъ жизнь сердца и направ-

ленія мыслей. Запечатлѣнное на скрижаляхъ сердца, оно оказывало гораздо болѣе вліянія на жизнь, чѣмъ творенія всѣхъ проповѣдниковъ и учителей истины.

Нельзя сколько-нибудь опредѣленно указать моментъ, когда зародился японскій феодализмъ, породившій рыцарство, какъ нельзя этого сказать и о феодализмѣ западно-европейскомъ. Приблизительно же начало его нужно отнести ко времени Вильгельма Завоевателя въ Европѣ, т. е. къ XI столѣтію по Р. Хр.

Когда феодализмъ окрѣпъ, то главная роль въ жизни оказалась у людей, для которыхъ война являлась профессіей. Они были извѣстны подъ общимъ именемъ «самураевъ», — названіе, по своему понятію, соотвѣтствующее западно-европейскому «рыцарь». Иначе ихъ называли еще Буси, или Буке (воины). Вначалѣ это былъ привилегированный классъ людей, закаленный въ бояхъ и воспитанный для войны. Грубые, сильные и необразованные, они лишь постепенно пришли къ сознанію, что на нихъ лежатъ обязанности большія, чѣмъ на всѣхъ другихъ: именно вслѣдствіе привилегій, которыми они пользовались, развилось понятіе сословной чести и вмѣстѣ съ этимъ понятіе о долгѣ и о большей отвѣтственности предъ страшой. Они стали приходить къ убѣжденію, что ни на войнѣ, ни въ жизни нельзя прибѣгать къ средствамъ, унижающимъ человѣческое достоинство. Названія «змѣя» и «трусъ» начали считаться между ними позорными кличками и такъ мало-по-малу создавался образъ рыцаря, одаренный высокими чертами характера.

II.

Въ Европѣ душой христіанскаго рыцаря были — религія, война и слава; эти три начала легли въ основу и создали духовный обликъ рыцаря. Въ Японіи имѣлись иные источники, творчески повліявшіе на созданіе духовнаго образа самурая.

Прежде всего — буддизмъ. Спокойная вѣра въ судьбу, стойкость въ опасностяхъ и бѣдствіяхъ, ясное сознаніе неизбежности, стоическое спокойствіе, которое помогало пренебрегать жизнью въ извѣстныхъ случаяхъ, — вотъ что взяло японское рыцарство изъ буддизма. Учитель фехтованія молодого самурая, когда его ученикъ достигалъ извѣстной степени совершенства въ его искусствѣ, говорилъ ему: «Мое дѣло сдѣлано; теперь слѣдуетъ дзень!» Японское «дзень» — равнозначуще діяна. Оно означаетъ такое состояніе духа, для котораго нѣтъ словеснаго выраженія. Методъ для этого — созерцаніе; цѣль — дойти до состоянія, гдѣ все подвластно чувству, гдѣ мысль, дойдя до

полнаго сознанія абсолютнаго, гармонически сливается съ нимъ. Когда кто либо доходилъ до сознанія абсолютнаго, отрѣшившись отъ всего мірскаго, то, сливаясь съ нимъ, онъ находилъ «новое небо и новую землю».

Чего не доставало для самурая, у буддизма, то давалъ ему въ изобиліи синтоизмъ. Лояльность, т. е. вѣрность государю, благоговѣйное почитаніе предковъ, словомъ то, чему сравнительно мало учатъ другія религіи, это самурай почерпалъ изъ синтоизма и эти черты смягчали надменность и высокомеріе самурая. Синтоизмъ не имѣетъ догмата о первородномъ грѣхѣ. Напротивъ, это ученіе вѣруетъ въ природную и богоподобную чистоту человѣческой души, понимая ее, какъ святое святыхъ, откуда получается божественное откровеніе. Всякій можетъ видѣть, что въ синтоистическихъ храмахъ нѣтъ предметовъ поклоненія и нѣтъ никакихъ украшеній: виситъ только простое зеркало, представляющее единственную, въ исключеніе всѣхъ прочихъ, вещь поклоненія. Присутствіе его здѣсь объясняется просто, — оно есть символъ сердца, которое, когда оно совершенно ясно и чисто, отражаетъ въ себѣ образъ божества. Когда вы стоите впереди храма, вы видите ваше собственное изображеніе на блестящей поверхности зеркала и актъ поклоненія равносильнъ древне-греческому: «познай самого себя». Но это самопознаніе ни у грековъ, ни у римлянъ не было изученіемъ физическаго строенія тѣла, фізіологіи, психологіи, или анатоміи; познаніе должно было быть моральнаго рода, — проникновеніе себѣ въ душу. Момзентъ, сравнивая поклоненіе грековъ и римлянъ, говоритъ, что, когда молился первый, то поднималъ глаза къ небу, потому что его молитва была созерцаніемъ, между тѣмъ какъ послѣдній закрывалъ голову покрываломъ, такъ какъ его молитва была размышленіемъ. По существу, въ японской религіи, подобно римской, на первое мѣсто выставляется не столько нравственное, личное, сколько національное, общее самосознаніе народа. — Поклоненіе японцевъ природѣ, по смыслу ученія синтоизма, заставило любить страну до глубины души, между тѣмъ какъ почитаніе предковъ, передаваясь изъ рода въ родъ, сдѣлало императора главой націи. Для японца родина — болѣе, чѣмъ только земля, гдѣ онъ родился, откуда онъ получаетъ себѣ пропитаніе, или обогащается; нѣтъ, — это священное жилище боговъ, душъ нашихъ предковъ; для японца императоръ — болѣе, чѣмъ глава государства, или владыка подданныхъ, — онъ могущественный, всесильный представитель неба на землѣ, соединяющій въ своемъ лицѣ могущество неба и его милосердіе.

Синтоизмъ, такимъ образомъ, выработалъ два главныхъ вачала, проходящихъ красною нитью въ жизни японца, — патриотизмъ и вѣрность государю. Артуръ Мей Кнанцъ вполне справедливо указываетъ, что при изученіи

еврейской литературы, трудно сказать, говоритъ-ли писатель о Богѣ или объ общемъ благосостояніи государства, о небѣ или объ Іерусалимѣ, о Мессіи или о самой націи. Совершенно тоже можетъ быть замѣчено и при изученіи японской національной вѣры. Когда опредѣляешь и изучаешь японскія національныя вѣрованія и чувства, то никакъ нельзя ихъ назвать ни философскою системою, ни рациональною теологіею. Бусидо всегда на ряду съ религіозными принципами пропитано вѣрностью къ государю и любовью къ странѣ. И оно дѣйствовало больше какъ импульсъ, чѣмъ какъ доктрина.

Что касается чисто нравственнаго ученія, то должно замѣтить, что въ этомъ отношеніи многое взято для Бусидо изъ ученія Конфуція. Выясненіе Конфуціемъ пяти отношеній — между государемъ и подданнымъ, отцомъ и сыномъ, мужемъ и женой, старшимъ и младшимъ братьями и между друзьями, — было лишь подтвержденіемъ того, что уже національный инстинктъ подсказывалъ японцу, прежде чѣмъ писанія Конфуція были принесены изъ Китая въ Японію. Спокойствіе, великодушіе и удобный характеръ политико-этической системы Конфуція очень подходилъ къ характеру самураевъ, котрые являлись правящимъ классомъ; его аристократическій консерватизмъ хорошо былъ воспринятъ этими, привыкшими повелѣвать воинами.

Послѣ Конфуція наибольшее вліяніе на Бусидо имѣлъ Мэнъ-цзы. Его сильныя и демократическія теоріи, бывшія одно время даже подъ запрещеніемъ, мало по малу глубоко внѣдрились въ сердца самурая. Творенія Конфуція и Мэнъ-цзы сдѣлались катехизисомъ для юношества и высшимъ авторитетомъ въ случаѣ разногласій между старшими. Знакомство съ этими классиками было *conditio sine qua non*, но обширное научное знаніе не считалось нужнымъ и не уважалось. Типичный самурай называетъ ученыхъ тупицами, прочитавшими архивной пылью. Другой сравниваетъ науку съ дурно пахнущей зеленью, которую должно не мало варить, прежде чѣмъ она будетъ годна для употребленія. Человѣкъ, который читалъ хоть немного, уже немного и педантиченъ; который читалъ много, болѣе педантъ; и тотъ и другой непріятны. Истинное знаніе, по Бусидо, приходитъ только тогда, когда ассимилируется въ умѣ читающаго и выражается въ его характерѣ. Умъ долженъ быть подчиненъ этическимъ эмоціямъ. Отсюда тотъ, кто останавливался на самомъ знаніи, былъ, по Бусидо, не больше какъ машина, которая можетъ поставлать поэмы и правила по требованію; истинное же знаніе должно быть оожестовлено съ правтическимъ приложеніемъ его къ жизни. Сократовская доктрина нашла

себѣ наилучшее выраженіе у китайскаго философа Вэнь-Янь-мина, который часто повторяетъ: «знать и дѣлать—это тоже самое».

Ученіе этого философа оказало на нѣкоторыя существенныя черты характера Буси громадное, даже преобладающее вліяніе. Одинъ изъ японскихъ учениковъ его говоритъ: «Вседержитель неба и земли, всеясь въ сердце человека, дѣлается его сущностью; это—свѣтъ, освѣщающій все». И еще: «Духовный свѣтъ, будучи чистѣйшей сущностью, не вызывается по волѣ человека. Неожиданно вставая въ нашемъ сознаніи, онъ показываетъ, что справедливо и что несправедливо, Онъ называется совѣстью. Этотъ свѣтъ исходитъ отъ божества». Сколько подобныхъ же мыслей и словъ мы можемъ найти у Исаака Пемпингтона и другихъ философовъ мистиковъ?! Думается, что японскій умъ, какъ онъ выразился въ простыхъ догматахъ религіи Синто, былъ отчасти подготовленъ для воспріятія ученія Вэнь-Янь-мина. Онъ довелъ свое ученіе о непогрѣшимости совѣсти до возможности не только различать добро и зло, но и опредѣлять свойство физическихъ явленій и вещей. Онъ пошелъ такъ же далеко, если еще не дальше, въ идеализмъ, какъ Фихте и Берклей, отрицая существованіе вещей внѣ человѣческаго познанія.

Такимъ образомъ главные источники, творчески повліявшіе на созданіе Бусидо и ассимилировавшіеся съ нимъ, были просты и необширны.

III.

Какія же качества составили духовный образъ самурая?

Японскій рыцарь высоко цѣнилъ въ человѣкѣ ту высшую чуткость справедливости, которая обозначается словомъ «благородство». Идея этого благородства можетъ быть ложно понимаема, можетъ быть узка, но она прямолинейна. Одинъ извѣстный Буси опредѣляетъ благородство, какъ силу рѣшенія. «Благородство есть способность человѣческой души принять извѣстное рѣшеніе относительно извѣстнаго образа дѣйствій согласно съ совѣстью, безъ малѣйшаго колебанія: умереть—когда нужно умереть, убить—когда это требуется». Другой говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Благородство есть кость, которая придаетъ крѣпость и силу всему тѣлу. Какъ безъ костей голова не можетъ оставаться на верху спиннаго хребта, руки не могутъ двигаться, а ноги стоять; такъ безъ понятія о благородствѣ ни талантъ, ни наука не могутъ выработать характера самурая». Въ то время какъ военная хитрость допускалась и допускается всеми, какъ неизбежное зло на войнѣ, рыцарская прямота и честность является драгоценностью, сіяющею яркимъ свѣтомъ солнца. Поэтому-то эта черта харак-

тера Буси высоко и превозносились веѣми. Даже въ послѣдніе дни феодализма, когда продолжительность мира внесла много досуга въ жизнь война, а чрезъ это умалились и лучшія качества самурая, эпитетъ «гиси», — рыцаря безъ страха и упрека, — обыкновенно прилагался къ человѣку высшаго пониманія чести и справедливости. 47 Ріюниовъ, примѣръ которыхъ такъ много значилъ для воспитанія въ рыцарскихъ чувствахъ японскаго юношества, извѣстны въ обычной рѣчи какъ 47 гиси.

Для лучшаго пониманія этой черты характера самурая необходимо сказать нѣсколько словъ о терминѣ, происшедшемъ отъ слова «гиси» — гири. Гири первоначально означало, по дословному переводу, — справедливый принципъ, но съ теченіемъ времени приняло значеніе какого-то смутнаго сознанія обязанностей долга, которыя, по общественному мнѣнію, должны быть выполнены. Вначалѣ гири обозначало обязанность простую и естественную — по отношенію къ родителямъ, къ старшимъ, къ обществу, къ близкимъ и т. д.

Первоначальное значеніе гири — обязанность, и происхожденіе его поκειται въ томъ, что хотя отношеніе къ родителямъ должно было бы опредѣляться единственнымъ мотивомъ — любовью къ нимъ, но, за недостаткомъ послѣдней, потребовалось созданіе другого авторитета и этотъ другой авторитетъ для возбужденія сыновней почтительности былъ найденъ въ «гири». Если любовь не побуждала людей дѣлать должное, то разсудокъ человѣка и его доводы, по гири, должны были вызвать въ человѣкѣ убѣжденіе въ необходимости поступать справедливо. Если нравственныя обязанности казались слишкомъ обременительными, то разумъ, по гири, не давалъ возможности уклоняться отъ нихъ. Гири, стало быть, понималось какъ суровый учитель съ палкой въ рукахъ, заставляющій дѣлать должное. Оно играетъ второстепенную роль въ этикѣ, являясь по существу неумолимымъ закономъ. Думается далѣе, что гири явилось продуктомъ условій искусственнаго общества, общества, въ которомъ случайность рожденія и дарованіе незаслуженныхъ милостей установило классъ привилегій; общества, гдѣ семья и фамилія были соціальной единицей; гдѣ старшинство возраста было болѣе счетомъ по лѣтамъ, чѣмъ превосходствомъ талантовъ; гдѣ естественныя склонности часто отходили на второй рядъ передъ произвольно придуманными человѣческими обычаями. Въ силу этой искусственности «гири», во время вырожденія въ смутное чувство чести, объяснило такіе поступки, на примѣръ почему мать должна была, если потребуется, жертвовать жизнью всѣхъ дѣтей ради спасенія старшаго, или почему дѣвушка должна была продать себя для отысканія средствъ къ жизни своимъ обѣднѣвшимъ родителямъ. Гири являлось ссылкой для казуистовъ и впоследствии выродилось въ трус-

ливую боязнь порицанія. О гири можно сказать тоже, что Вальтеръ-Скоттъ сказалъ о патріотизмѣ: «оно такъ прекрасно, что масса подозрительнаго прикрывается его именемъ».

IV.

Перешедшее границы здраваго смысла, гиря могло бы служить ссылкой софистамъ при оправданіи ихъ неблаговидныхъ поступковъ и даже могло бы прикрывать трусость, если бы Бусидо не требовало другого остраго и сильнаго чувства: смѣлости, храбрости и терпѣнія.

Смѣлость едва ли можетъ считаться добродѣтелью, даже если бы она понималась и ею пользовались бы разумно. Конфуцій въ своихъ «разсужденіяхъ» (Лунъ-юй) опредѣляетъ это качество отрицательно, объясненіемъ: «замѣчать что справедливо и не дѣлать этого — доказываетъ недостатокъ смѣлости». Если выразить это положительно, то выйдетъ, — смѣлость, это качество человѣка дѣлать то, что справедливо. Искать рискованныхъ положеній, идти на явную смерть, рисковать жизнью, безумная храбрость на войнѣ, которую Шекспиръ называетъ незаконорожденной храбростью, все это — свойства души, которыя часто восхваляются, но не въ этомъ состоитъ истинная храбрость рыцаря. Напрасная смерть по справедливости зовется собачьей смертью. «Бросаться въ средину битвы и быть убитымъ», говоритъ митоскій принцъ, «довольно легко; но, продолжаетъ онъ, истинная храбрость — жить, когда нужно жить и умереть, когда нужно умереть». Различіе, существовавшее на заgadѣ между физической и нравственной храбростью, было установлено и у японцевъ. Какой юноша самурай не слышалъ о храбрости истиннаго рыцаря и объ отчаянной смѣлости нахала?

Храбрость, смѣлость, безстрашіе, мужество, отважность — качества, которыми отличаются чаще всего юноши, — были въ японскомъ народѣ самыми популярными добродѣтелями, которыя чаще всего возбуждали соревнованіе и у японской молодежи. Исторійки военныхъ подвиговъ разсказываются матерями груднымъ дѣтямъ. Когда ребенокъ плачетъ, то мать журитъ его: «Что ты, трусешка, плачешь отъ такихъ пустяковъ! Что ты станешь дѣлать, если тебѣ отрубятъ руку въ битвѣ? Что ты скажешь, если тебѣ придется совершить хара-кири?» *) Существуетъ цѣлая литература, воспитывающая чувство смѣлости. Для развитія въ ребенкѣ терпѣнія и выносливости родители заставляютъ ребенка исполнять непосильно тяжелую работу, поднимаютъ дѣтей до разсвѣта, прежде завтрака заставляютъ продѣлать школьныя упражненія, приучаютъ ходить босикомъ въ холодную зиму, собираясь разъ

*) Самоубійство путемъ испариванія жипота.

въ мѣсяцъ на какой-нибудь праздникъ одного изъ боговъ ученія, дѣти нерѣдко проводятъ цѣлую ночь совсѣмъ безъ сна, за перемѣннымъ чтеніемъ; пока казнь преступниковъ черезъ обезглавленіе была еще публичной, дѣти посылались присутствовать на этой ужасной сценѣ: они же должны были ходить къ мѣсту казни темной ночью и въ знакъ своего присутствія тамъ оставлять какую-нибудь отмѣтку на ящикѣ съ отрубленными головами.

Однако, не образовало-ли такое ultra-спартанское воспитаніе людей, которымъ чужда сердечность и мягкость нрава?

V.

Милосердіе, состраданіе, великодушіе, симпатія къ людямъ, любовь, вотъ какія добродѣтели требовало Бусидо отъ человѣка. Это были во первыхъ добродѣтели благородной души и во вторыхъ добродѣтели профессіи самурая. Феодализмъ легко могъ-бы выродиться въ милитаризмъ, если бы Бусидо не требовало этихъ качествъ.

Требованіе отъ человѣка вышей справедливости и чести предупредило возможность развитія не разумнаго милосердія, безъ уравниванія его справедливостью. Мазамуне выразилъ это въ своемъ афоризмѣ такъ: „если человѣкъ перейдетъ границы въ благородствѣ, то онъ сдѣлается нетерпимымъ, а если — въ милосердіи, то онъ окажется слабохарактернымъ.“

Къ счастью, милосердіе не было рѣдкой добродѣтелью, потому что въ жизни самые храбрые бываютъ въ то же время самыми нѣжными и самые любящіе наиболѣе смѣлыми. «Буси но насаке» милосердіе самурая одѣлялось при нуждѣ тогда, когда взывали къ тому, что есть благороднаго въ людяхъ; это не значить то, чтобы милосердіе самурая было отлично отъ милосердія другихъ людей, это означало лишь милосердіе, которое не было слѣвымъ импульсомъ, но которое находилось въ строго опредѣленномъ отношеніи къ справедливости и которое не было какимъ-нибудь простымъ настроеніемъ ума, но имѣло за собою власть сохранить или уничтожить жизнь. Самурай вполне соглашается съ тѣмъ, что говоритъ Мэнъ-цзы относительно любви. «Милосердіе подчиняетъ своему влиянію не то, что прецѣпствуетъ его силѣ, точно также какъ вода покоряетъ огонь; только тѣ сомнѣваются въ силѣ воды, которые стараются тушить пламя, объявившее цѣлый лѣсъ, одной какой-нибудь чашкой воды». Онъ также говоритъ: «состраданіе — корень милосердія, потому что милосердный человѣкъ самый внимательный къ тѣмъ, кто страдаетъ и находится въ несчастіи».

Состраданіе къ слабымъ, безпомощнымъ, униженнымъ прославляется какъ особенная добродѣтель самурая. Любители японскаго искусства хорошо

знають изображеніе японскаго священника, ѣдущаго верхомъ на коровѣ. Этотъ наѣздникъ былъ воинъ, самое имя котораго внушало ужасъ. Въ страшной битвѣ при Сумано-ура (1184 по Р. Хр.), которая была одной изъ самыхъ жестокихъ битвъ въ японской исторіи, онъ, нагнавъ врага, вступилъ съ нимъ въ единоборство и готовъ уже былъ задушить противника въ своихъ могучихъ объятіяхъ. Этикетъ войны требовалъ, что бы въ такихъ случаяхъ кровь не проливалась, если болѣе слабая сторона не была по положенію и состоянію равна болѣе сильной. Грозный боецъ спросилъ имя человѣка, находившагося подъ нимъ и когда тотъ отказался отвѣчать, то онъ грубо сорвалъ каску. Открылось красивое, молодое, безбородое лицо, — у сильнаго борца невольно разжались руки. Помогая юношѣ встать на ноги, онъ сказалъ ему отеческимъ тономъ: «Принцъ, ступай-ка къ своей матери, — мечъ Кумагае никогда не будетъ обагрень твоей кровью. Уходи же скорѣй отсюда, прежде чѣмъ твои враги не настигли тебя». Молодой воинъ отказывался уходить и просилъ Кумагае, для славы ихъ обоихъ, убить его на мѣстѣ. Ветеранъ-воинъ пробуетъ взмахнуть мечемъ, поразившимъ не мало жизней прежде, но мужественное сердце этого человѣка снова робѣетъ. При видѣ мальчика, вышедшаго при звукѣ трубъ попробовать остроту своего меча, руки старика опускаются и онъ проситъ того бѣжать. Видя, что все его увѣщанія напрасны и слыша приближеніе товарищей, онъ воскликнулъ: «Если ты не убѣжишь, то умрешь отъ болѣе неблагородной руки, чѣмъ моя. О, всемогущій, прими его дупу!» И въ тотъ же мигъ кинжалъ блеснулъ въ воздухѣ и обагрился кровью. По окончаніи сраженія мы видимъ нашего стараго солдата, возвращающимся къ себѣ съ триумфомъ; но его уже мало занимали слава и почести. Онъ отказался отъ военной карьеры, обрилъ себѣ голову, надѣлъ священническія одежды, посвятилъ остатокъ дней своихъ паломничеству и никогда не обращался спиной къ западу, гдѣ находится рай, откуда приходитъ спасеніе и куда солнце прячется ежедневно на отдыхъ.

Какъ свѣдѣтельствуесть этотъ эпизодъ, нѣжность, жалость и любовь къ людямъ были чертами, которыя украшали самыхъ грозныхъ изъ самураевъ. Въ княжествѣ Сацума, отличавшемся воинственнымъ духомъ и военнымъ направленіемъ воспитанія, преобладающимъ занятіемъ между молодыми людьми была музыка. Не звукъ трубы, не бой барабана «эти шумные прогрозвѣтники крови и смерти», побуждающія насъ подражать дѣйствіямъ дикихъ звѣрей, но заунывные и нѣжные мелодіи набива (родъ гитары), успокоивая наши пылающія души, отвлекаютъ и наши мысли отъ дыханія крови и ужасовъ рѣзни.

Но не въ одной только Сацумѣ мягкость и нѣжность сердца лелѣлись,

японскимъ юношествомъ. Между афоризмами принца Сиракава мы находимъ такіе: «хотя они подкрадываются къ вашему ложу въ спокойные часы ночи, но не отгоняйте ихъ прочь, полелѣйте ихъ,—трепетаніе (цвѣтовъ) растений, звукъ отдаленнаго колокола, жужжаніе насѣкомыхъ равнодушной ночью». И снова—«хотя они могутъ скверно повліять на ваше настроеніе и досадить вамъ, но вы имѣйте мужество простить имъ,—вѣтерку, который повредилъ ваши цвѣты, облаку, которое затемняетъ луну, и человѣку, который старается поссориться съ вами.

Въ японской поэзіи эти чувства служатъ темой для стиховъ. А рѣдкій образованный человѣкъ не былъ художникомъ, или поэтомъ. Не рѣдко можно было видѣть, какъ марширующій солдатъ вдругъ останавливался, вынималъ письменныя принадлежности и набрасывалъ оду; такія сочиненія, бывало, находили въ каскахъ или подъ нагрудниками воиновъ, павшихъ на полѣ брани. Что христіанство сдѣлало для возбужденія состраданія въ Европѣ во время ужасныхъ войнъ, то музыка и поэзія сдѣлали въ Японіи.

VI.

Уваженіе къ чувствамъ другого выразилось въ развитіи характерной японской черты, подмѣченной почти каждымъ иностраннымъ туристомъ,—вѣжливости. Конечно, это не большая добродѣтель, если она имѣетъ своей подкладкою боязнь обиды хорошаго тона,—въ этомъ случаѣ она является слѣдствіемъ лишь внѣшняго отношенія другъ къ другу. Вѣжливость заключается въ себѣ надлежащее отношеніе человѣка къ пригодности существующаго, должное уваженіе человѣка къ социальному положенію вещей, и въ этомъ случаѣ она является слѣдствіемъ уваженія человѣка не къ внѣшнему положенію вещи, а къ дѣйствительному ея значенію.

Въ своей лучшей формѣ вѣжливость приближается къ любви. О ней можно сказать, что «она долго терпитъ, не завидуетъ, не знаетъ зла».

Когда приличіе было поднято до *conditio sine qua non* въ обществѣ, какъ это мы находимъ въ Японіи, то естественно ожидать, что выработанная система приличій должна была войти въ общее употребленіе и сдѣлаться обязательной,—въ правилахъ выработаннаго благоприличія должно было воспитываться и все японское юношество. Какъ одинъ долженъ кланяться другому, какъ онъ долженъ ходить, сидѣть—всему этому учать въ Японіи, не забывая ни малѣйшей детали, съ величайшей заботливостью. Правила вести себя за столомъ составляютъ предметъ особыхъ знаній. Чаепитіе и питье вина выросли въ понятіе церемоній. Воспитанный человѣкъ долженъ быть, разумѣется, мастеромъ всего этого.

Этикетъ въ Японіи развился въ деликатность въ лучшемъ смыслѣ этого слова, такъ что различныя школы, защищавшія различныя системы въ этомъ отношеніи (а ихъ было не мало), пришли въ концѣ концовъ къ одному заключенію. Онѣ всѣ соединились въ одномъ основномъ положеніи и это было выражено величайшимъ учителемъ этикета, который говоритъ объ этомъ такъ: «Конечный результатъ знанія приличій тотъ, чтобы воспитать себя такъ, что, когда вы сидите, то ни какой грубіянь, какъ бы онъ ни былъ нахаленъ, не осмѣлится сѣсть на васъ. Это значитъ другими словами, что постояннымъ упражненіемъ въ правильности манеръ, вы можете всѣ члены вашего организма привести въ извѣстный порядокъ или гармонію, такъ что ваше поведение будетъ показывать господство духа надъ плотью.

Для примѣра, какъ самая простая вещь можетъ быть обращена въ искусство и сдѣлаться проявленіемъ духовной культуры, я могу взять «Ця-но-ю», чайную церемонію. Простое питье напитка, явившееся слѣдствіемъ созерцательнаго размышленія индійскаго отшельника, обратилось въ слугу религій и морали. Спокойствіе ума, серіозность, хладнокровіе, составляющія сущность Ця-но-ю, безъ сомнѣнія, являются первымъ свидѣтелемъ правыхъ мыслей и благородныхъ чувствъ. Щепетильная чистота маленькой комнаты, удаленіе изъ области зрѣнія и слуха шумной толпы сами по себѣ благопріятствуютъ исправленію мыслей. Присутствіе какемоно*) здѣсь приковываетъ ваше вниманіе болѣе художественнымъ вкусомъ, чѣмъ, яркостью красокъ. Тотъ фактъ, что это было изобрѣтено созерцательнымъ затворникомъ во время войнъ и всеобщихъ толковъ о войнѣ, свидѣтельству-етъ о томъ, что институтъ этотъ былъ болѣе, чѣмъ забавой. Передъ входомъ въ чайную комнату общество, собравшееся участвовать въ церемоніи, откладываетъ въ сторону вмѣстѣ съ своими мечами и жестокость битвы, и правительственныя заботы, чтобы исключительно насладиться миромъ и прелестью дружбы.

Ця-но-ю болѣе чѣмъ церемонія; это — изящное искусство, это — поэзія съ ясными приемами, это *modus operandi* для душевной дисциплины. Самое большее значеніе заключается въ этой послѣдней фазѣ. Нерѣдко другія фазы кажутся болѣе важными для нѣкоторыхъ, но все же всѣ въ корнѣ соглашаются, что сущность церемоніи — духовнаго свойства.

Вѣжливость большое пріобрѣтеніе, уже тогда, когда она только представляетъ собою изящество манеръ; но она не останавливается на этомъ. Въ

*)Свертокъ бумаги, шелка, или другой матеріи, висѣйшій на стѣнѣ, съ изображеніемъ на немъ картины, или надписи.

лучшемъ своемъ видѣ она заставляетъ плакать съ плачущими и радоваться съ радующимися. Вотъ примѣръ японской вѣжливости. Вы на солнцѣ и оно васъ печетъ неумолимо. Мимо проходитъ вашъ знакомый японецъ. Вы привѣтствуете его, онъ снимаетъ шляпу и, что «ужасно смѣшно, все время, пока онъ разговариваетъ съ вами, его зонтикъ опущенъ и онъ стоитъ на палящемъ солнцѣ. «Какъ глупо!» скажете вы. Мотивы его слѣдующіе. Вы на солнцѣ, я сочувствую вамъ. Я охотно предложилъ бы вамъ зонтикъ, если бы мы были фамиллярно знакомы. Но я не могу сдѣлать этого и охотно раздѣляю ваши неудобства. Въ Европѣ, когда дарятъ, то стараются выставить на видъ лучшія стороны подарка. Въ Японіи наоборотъ. Выходить по европейски такъ. Этотъ предметъ хорошъ, если бы онъ не былъ такимъ, я не осмѣлился бы дарить его вамъ, потому что если бы подарилъ не хорошій предметъ, то обидѣлъ-бы васъ. Японецъ размышляетъ иначе. Вы такъ хороши, что нѣтъ для васъ подходящаго подарка — и вы не можете получить ничего, кромѣ того, что выбрано мной по моей личной волѣ, — такъ примите это не потому, что оно имѣетъ дѣйствительную цѣнность, а потому, что эта вещь выбрана мною для васъ. Было бы оскорбительно съ моей стороны называть эту вещь достаточно подходящей для Васъ.

На вопросъ, что важнѣе вѣсть или знать правила приличія, относительно фды, китайскій мудрецъ отвѣчаетъ. „Если вы будете имѣть случай наблюдать, гдѣ фда вещь единственно важная, а соблюденіе приличій второстепенная и обратно, и сравните ихъ, то почему вы скажете, что фда вещь первой важности. Металлъ тяжелѣе пуха, но чему вы отдадите предпочтеніе, застежка изъ металла или пуду пуха. Возмите кусокъ дерева въ футъ толщины и поднимите его выше крыши храма, ни кто же, вѣдь, не скажетъ что онъ выше храма».

VII.

«Приличіе, перешедшее извѣстныя границы, становится ложью», сказалъ Мазамуне. Двоедушіе и ложь казались самураю равными трусости. Буси, занимая высшее социальное положеніе, былъ выше и въ своихъ моральныхъ требованіяхъ, чѣмъ крестьянинъ, или купецъ. «Буси но иди гонъ» — слово самурая — имѣло такой вѣсъ, что ему вѣрили безъ всякихъ письменныхъ обязательствъ, которыя казались унижающими его достоинство. Существуетъ масса анекдотовъ о смерти людей, поплатившихся за «ни-гонъ» двоедвіе, двоедушіе. Японскій языкъ не выработалъ слова, которое соответствовало бы европейскому ложь. Японское «усо» употребляется, какъ отрицаніе вѣрности (макото), или факта (хонто). Приходится часто слышать и читать о фаль-

живости японскаго купца. Чѣмъ же объясняется эта черта японскаго купца? Изъ всѣхъ профессій ни одна не отстоитъ такъ далеко отъ военной, какъ занятіе торговлей. Купецъ занимаетъ самое низшее мѣсто среди всѣхъ другихъ сословій,—воина, земледѣльца, ремесленника и купца. Самурай получалъ свой доходъ отъ земли и иногда, если имѣлъ склонность, могъ заниматься земледѣліемъ, но заниматься торговлей онъ не имѣлъ юридическаго права никогда. Коммерція, слѣдовательно, въ феодальной Японіи не могла развиваться свободно, нареканія же на этотъ классъ людей привели къ тому, что купцы мало стали заботиться о своей репутаціи. Назови кого-нибудь воромъ и онъ станетъ воровать; положишь пятно на названіе и его носители оправдываютъ это пятно. Необходимо все же замѣтить, что ни торговля, ни вообще коммерція не могутъ вестись безъ извѣстнаго кодекса морали. И японскіе купцы феодальнаго періода имѣли такой кодексъ, безъ котораго имъ не возможно было-бы имѣть такіе фундаментальныя коммерческіе институты, какъ гильдіи, банки, биржи, страхованія, чеки и проч.; въ отношеніяхъ же своихъ къ не купцамъ они вели себя согласно съ репутаціей своего сословія. Но все же интересно замѣтить, что честь и незапятнанность имени являлись вышними. Въ роспискахъ, которыя выдавались должниками-купцами кредиторамъ, мы не рѣдко можемъ читать—«Въ случаѣ, если я не возвращу суммы, которую вы одолжили мнѣ, я ничего не буду имѣть противъ, если вы опозорите меня при народѣ»; или, «если я не возвращу вамъ денегъ, вы можете назвать меня дуракомъ».

Во время открытія портовъ для иностранцевъ всѣ торговцы сомнительной репутаціи перебрались туда, тогда какъ уважаемые торговые дома отклонили на нѣкоторое время предложеніе правительства начать тамъ свои операціи. И нужно замѣтить вообще, что съ паденіемъ феодализма, когда помѣстья были отобраны отъ самураевъ и имъ разрѣшено было заниматься торговлей, нравственныя требованія японца рыцаря значительно понизились и его идеалистическія стремленія были подорваны.

УІІІ.

Чувство чести, заключающее въ себѣ живое сознаніе личнаго достоинства, не могло отсутствовать у самурая, рожденнаго и воспитаннаго въ сознаніи привилегированнаго положенія своей профессіи. Хотя японское слово, употребляющееся въ настоящее время при переводѣ слова чести, не употреблялось такъ часто, но идея эта выражалась словами: на имя меммоку (лицо), гайбунъ (слухъ).

Доброе имя свято охранялось японцемъ-воиномъ. Чувство стыда бы

до самымъ тяжелымъ для самурая: «надъ вами смѣются», «вы пристыжены,» — было невыносимо тяжело слышать буси. Чувство стыда есть начало нравственнаго паденія, и потому правъ былъ самурай, отказываясь отъ ка-кого-бы то ни было примиренія съ обидчикомъ, «пото у что», говорилъ онъ, «безчестіе подобно порѣзу на деревѣ, который со временемъ, въѣзго того чтобы уменьшаться, дѣлается все больше и больше.» Давнымъ давно Ментъ-цзы сказалъ: что «стыдъ кладетъ пачо на челоѣка самого добродѣтельнаго, наилучшей репутаціи и превосходнѣйшаго поведенія». Въ многочисленныхъ популярныхъ разсказахъ на тему объ отношеніи японцевъ къ чувству сты-да показывается: 1) что они были сочинены для того, чтобы держать въ страхѣ весь народъ передъ этимъ чувствомъ; 2) что у самураевъ были дѣй-ствительно злоупотребленія этимъ чувствомъ и 3) что среди нихъ было дѣйствительно весьма сильно развито чувство чести.

Излишняя заботливость о сохраненіи чести была смягчена ученіемъ о терпѣннѣи и великодушнѣи. Популярная пословица говорить: «перетерпѣть то, что, по вашему мнѣнію, вы не въ состояніи перетерпѣть, — это значитъ дѣй-ствительно перетерпѣть». Великій Іеясу пишетъ: «Жизнь—это длинный путь съ тяжелой ношей на плечахъ. Не снѣши-же идти. Терпѣннѣе есть основа-ніе долготѣія». Народное сознаніе вложило въ уста трехъ великихъ япон-цевъ такіа слова. Нобунага говоритъ: «я убью ее, если она не зазоветъ во время»; Хидеоси:— «я заставляю ее пѣть для меня;» Іеясу:— «я буду ждать до тѣхъ поръ, пока она не откроетъ рта».

Примѣры кротости можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ японскихъ писателей. Огава пишетъ: «когда другіе говорятъ о твоёмъ поведеніи дур-но, не плати за зло зломъ, но лучше подумай о томъ, что должно быть, и старайся вѣрно исполнять свои обязанности». Кумазава говоритъ: «когда другіе бранятъ тебя, не брани ихъ ты, когда другіе сердятся, не отвѣчай имъ тѣмъ-же».

Но нужно замѣтить, что жизнь не высоко цѣнилась, если нужно было искупить чувство стыда, которое такъ или иначе падало на челоѣка: не мало людей лишило себя жизни, желая исправить свои ошибки.

IX.

Гриффисъ совершенно справедливо говоритъ: «въ Китаѣ конфуціанская этика сдѣлала первой добродѣтелью послушаніе родителямъ, въ Японіи же было отдано преимущество лойяльности». Какъ примѣръ вѣрности вассала сю-зерену, варьируемый на разные лады въ японской литературѣ и народныхъ преданіяхъ, представляется разсказъ изъ жизни Мицудзанае, — одинъ изъ самыхъ

характерныхъ въ японской исторіи. Мицидзана, сдѣлавшись жертвой клеветы и злословія, былъ изгнанъ изъ столицы. Недовольствуясь этимъ, его неумолимые враги захотѣли погубить весь его родъ. Тщательные розыски его сына, еще совсѣмъ ребенка, обнаружили, что онъ былъ скрытъ въ деревенской школѣ, содержимой нѣкимъ Гендзо, прежнимъ вассаломъ Мицидзана. Когда было отдано приказаніе выдать голову сына изгнанника въ извѣстный день, то первой мыслью учителя было замѣнить его другимъ мальчикомъ. Онъ внимательно нѣсколько разъ прочиталъ школьный списокъ, рассмотрѣлъ всѣхъ своихъ мальчиковъ, но ни одинъ изъ нихъ не оказался похожимъ на сына его бывшего сюзерена. Его отчаяніе длилось однако лишь одинъ моментъ; потому что въ это время явился новый мальчикъ, одного возраста съ сыномъ его господина, сынъ благородной матери. Онъ будетъ козломъ отпущенія! Конецъ исторіи рассказывать недолго. Въ назначенный день прибылъ командированный чиновникъ для того, чтобы засвидѣтельствовать и получить голову юноши. Рука бѣднаго Гензо была на рукояткѣ его меча, готовую ударить или этого чиновника, или самого себя въ случаѣ, если бы его обманъ открылся. Чиновникъ взялъ голову въ руки, посмотрѣлъ на этотъ ужасный предметъ, прошелъ по всей школѣ и торжественно, дѣловымъ голосомъ объявилъ, что эта голова дѣйствительно сына Мицидзана. Извѣстіе о смерти мальчика не было получено еще матерью. Ея свекоръ долгое время пользовался милостями Мицидзана, а послѣ изгнанія послѣдняго, мужъ ея оказался на службѣ у врага благодѣтеля его семейства. Онъ самъ не могъ бытъ невѣрнымъ своему господину, который былъ неумолимо жестокъ; сынъ же могъ сослужить службу въ дѣлѣ прежняго патрона. Ему, какъ знавшему семейство изгнанника, было поручено идентифицированіе головы мальчика. И вотъ, окончивъ съ этой своей работой, онъ возвращается домой и, переступая порогъ, онъ привѣтствуетъ жену свою, восклицаніемъ: «радуйся, жена, нашъ милый сынъ доказалъ вѣрность своему господину!»

Индивидуализмъ Запада строго различаетъ интересы отца и сына, мужа и жены, точно опредѣляя обязанности одного къ другому, и тѣмъ самымъ облегчаетъ исполненіе ихъ; но Бусидо говоритъ, что интересы отдѣльнаго лица и общества одни и тѣже, — они нераздѣльны. Интересы, возбуждаемые любовью, естественны, инстинктивны и непреодолимы, — отсюда, если мы умираемъ одинъ за другого, побуждаемые естественной склонностью, то какая это заслуга съ нашей стороны? Потому что, если мы любимъ ихъ такъ, какъ они насъ любятъ, то какой награды мы заслуживаемъ? Развѣ мы не тѣже самые мытари въ данномъ случаѣ?

Въ своемъ знаменитомъ историческомъ трудѣ Саніо трогательнымъ языкомъ рассказываетъ душевную борьбу Сигемори: «если я буду вѣрнымъ, мой отецъ долженъ погибнуть; если я буду повиноваться своему отцу, то будутъ порваны обязанности по отношенію къ сюзерену». Вѣднй Сигемори! Мы видимъ его потомъ молящимся всею душою къ небу о томъ, чтобы милосердное небо простило его смертью, дабы онъ былъ удаленъ отъ этого свѣта, гдѣ тяжело жить, сохраняя правоту и чистоту.

Японская исторія представляетъ много такихъ Сигемори, у которыхъ сердце разрывается на части при столкновеніи долга съ любовью. И когда у человека является коллизія между любовью и вѣрностью, Бусидо повелѣваетъ жертвовать всею ради вѣрности. Женщины, воспитывая дѣтей, учатъ ихъ жертвовать всею ради императора.

Но феодальный японскій князь не былъ деспотомъ по отношенію къ своимъ вассаламъ. Онъ чувствовалъ отвѣтственность за нихъ передъ своими предками и небомъ. Онъ былъ отцомъ для тѣхъ, которыхъ небо вѣрило его попеченію.

Бусидо не учило людей рабски жертвовать своими убѣжденіями въ пользу сюзерена. Человекъ, который жертвовалъ своею совѣстью для патрона, не уважался по Бусидо: онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „подлизы“, снискивающаго благоволеніе рабствомъ, или — подъ именемъ вора, крадущаго любовь низкопоклонничествомъ. Въ случаяхъ, когда патронъ требовалъ отъ вассала противнаго убѣжденіямъ послѣдняго, вассалъ долженъ былъ всеми силами отклонять, отговаривать своего господина отъ принимаемаго дурного намѣренія; въ крайнемъ же случаѣ — пролить свою кровь, совершить харакири, имѣя въ виду, что это можетъ заставить господина измѣнить свое рѣшеніе.

X.

Первой заботой при воспитаніи самурая было — выработать характеръ, считая второстепеннымъ развитіе ума, дара слова и благоразумія. Мы видѣли, какую важную роль сыграли эстетическія требованія при воспитаніи самурая. Но эстетическое воспитаніе, нужное для самурая, какъ человека культурнаго, было скорѣе прибавкой къ воспитанію, чѣмъ сущностью его. Умственное превосходство, разумѣется, высоко почиталось, но слово «ци», которое употреблялось для обозначенія интеллектуальнаго развитія, означало мудрость въ первой инстанціи и было отведено на второй планъ. Треножникъ, который поддерживалъ Бусидо, былъ — «ци, дзинъ, ю», — мудрость, милосердіе и храбрость. Самурай былъ по преимуществу человекомъ дѣла, знаніе же бы-

до только тѣнью его дѣятельности. Онъ пользовался имъ на столько, на сколько оно касалось его профессіи. Религія и теологія были предоставлены священникамъ; самурай пользовался ими на столько, на сколько они развивали храбрость. Философія и литература участвовали главнымъ образомъ въ умственномъ развитіи; но и эти предметы не цѣнились сами по себѣ. Литература служила пріятнымъ времяпровожденіемъ, а философія — практической придачей при развитіи характера, если только она не являлась истолкованіемъ воинскихъ и политическихъ проблемъ.

Послѣ всего вышесказаннаго нѣтъ ничего удивительнаго, если, согласно педагогическимъ требованіямъ Бусидо, науки были таковы: фехтованіе, стрѣльба изъ лука, дзю-дзичу или явара, наѣздничество, умѣнье обращаться съ конемъ, тактика, каллиграфія, этика, литература и исторія. Изъ этого списка дзю-дзичу и каллиграфія могутъ нуждаться еще въ объясненіи. Много стараній было положено на пріобрѣтеніе красиваго почерка, потому что для іероглифовъ берутся сочетанія изъ природы и потому они имѣютъ художественную цѣнность, а также и потому, что почеркъ считался указателемъ личнаго характера человѣка. Дзю-дзичу можетъ быть кратко охарактеризовано какъ система, по которой пріобрѣтаютъ практическія познанія для цѣлей нападенія, или самообороны. Оно отличается отъ борьбы, потому что превосходство дзю-дзичу не зависитъ отъ мускульной силы. Оно отличается и отъ другихъ видовъ атаки, потому что въ немъ не употребляется оружія. Оно состоитъ въ схватываніи и ударѣ извѣстныхъ частей тѣла врага, съ цѣлью вызвать въ нихъ онѣмѣніе, сдѣлать противника неспособнымъ къ дальнѣйшему сопротивленію. Цѣль его — не убійство, а обезсиленіе на время своего врага для дѣла.

Мы можемъ назвать еще одинъ предметъ который, казалось бы, долженъ быть изучаемъ самураями, именно — математику. Полное отсутствіе его объясняется тѣмъ, что воинское искусство во времена феодализма не требовало точныхъ знаній. И не только это: вся тренировка самурая неблагоприятовала для развитія числовыхъ представленій.

Рыцарство — не экономно, оно даже выставляетъ на показъ свою бѣдность. Донъ-Кихоть гордился больше старымъ конемъ и худой лошадей, чѣмъ помѣстьями и золотомъ; самурай въ этомъ отношеніи сходенъ съ нимъ. Самурай пренебрегаетъ деньгами самими по себѣ, а также искусствомъ зарабатывать, или конить ихъ; наживныя деньги представлялись ему слишкомъ постыднымъ прибыткомъ. «Меньше чѣмъ чего-либо», говоритъ обычное японское правило, «люди должны желать имѣть деньги, — богатство есть наибольшее препятствіе для пріобрѣтенія мудрости». Считается дурнымъ то-

номъ говорить о деньгахъ и неумѣнье распознавать стоимость различныхъ монетъ было признакомъ хорошаго воспитанія. Умѣнье считать было необходимо самураю лишь при перекличкѣ воиновъ и раздѣлѣ ленныхъ владѣній; но веденіе денежныхъ счетовъ передавалось въ руки людей болѣе низкаго класса. У многихъ феодальныхъ владѣтелей общественные финансы вѣдались священниками, или же дворянами низшаго разбора. Всякій здравомыслящій бу-си сознавалъ, что деньги образуютъ силу войны, но онъ даже не пытался возвести почитаніе денегъ въ добродѣтель. Правда, умѣренность въ жизни цѣнилась по Бусидо, но это не ради экономическихъ соображеній, а какъ упражненіе въ воздержаніи.

Умственная дисциплина, которая въ настоящее время пріобрѣтается изученіемъ математики, у самураевъ давалась литературными изслѣдованіями и диспутами на этическихъ темы. Очень не многими отвлеченными предметами занимались самураи, преимущественно же ихъ ученіе было направлено на выработку характера. Изъ трехъ услугъ, какія по Бэкону оказываются образованіемъ, — удовольствіе, украшеніе и развитіе способностей, — Бусидо отдавало предпочтеніе послѣднему, отъ котораго получалась польза, при обсужденіи и разрѣшеніи дѣла. Было ли это умѣнье располагать общественными дѣлами, или умѣнье владѣть собой — но именно это было практическимъ результатомъ воспитанія, къ которому стремились самураи. «Ученіе безъ идеи», сказалъ Конфуцій, «потерянный трудъ; идеи безъ ученія — опасны».

Когда характеръ а не умъ, когда душа а не голова избирались учителемъ предметами, которые надлежитъ развивать, считалось, что такой учитель есть дѣйствительно учитель по призванію. «Родитель тотъ, кто произвелъ меня на свѣтъ — учитель же тотъ, кто дѣлаетъ меня человѣкомъ». Съ этой идеей, стало быть, было связано глубокое уваженіе къ учителю. Человѣкъ, для того чтобы вызывать довѣріе и уваженіе со стороны юноши, необходимо долженъ быть одаренъ высшими духовными качествами и не лишень образованія. Онъ былъ отцомъ для тѣхъ, у которыхъ того не было въ живыхъ и ссвѣтчикомъ при жизненныхъ скитаніяхъ своихъ учениковъ. «Твой отецъ и твоя мать подобны небу и землѣ», говоритъ популярное изреченіе, — «твой учитель и твой патронъ — солнцу и лунѣ».

Позднѣйшая система платнаго вознагражденія за каждую услугу — не въ принципахъ Бусидо. Услугой, по Бусидо, считается только то, что можетъ быть сдѣлано не за деньги и плату. Духовная услуга, будь-то услуга священника, или учителя, не могла оплачиваться золотомъ или серебромъ, не потому что она не имѣла цѣны, а потому что была неоцѣнима. Здѣсь не математическій инстинктъ чести даетъ болѣе справедливые уроки, чѣмъ

новѣйшая политическая экономія. Жалованье и вознагражденіе могутъ быть назначаемы только за такія услуги, которыя опредѣленны, осязаемы, измѣримы; тогда какъ развитіе — не осязаемо, неопредѣлимо, неизмѣримо. Но обыкновеніе приносить въ разное время года что-либо въ пользу учителя считалось естественнымъ, хотя это не было платой, а пожертвованіемъ въ пользу своего руководителя. Учитель былъ человѣкомъ сильнымъ духомъ, и онъ настолько жилъ внутренней жизнью, что считалъ пріобрѣтеніе денегъ ниже своего достоинства и былъ слишкомъ гордъ, чтобы просить милостыню.

XI.

Учитель представлялъ собою примѣръ самообладанія, — добродѣтели, высоко цѣнившійся по Бусидо, добродѣтели, которая была высшей чертой характера самурая. Развитіе храбрости, дававшееся борьбой съ самимъ собою безъ малѣйшаго недовольства съ одной стороны, а съ другой — требованіе учтивости, по которому не слѣдовало нарушать спокойствія и удовольствія близкихъ людей выраженіемъ имъ собственного горя или страданія, породили стоическое направленіе мысли.

Мальчики и дѣвочки воспитывались въ умѣніи удерживаться отъ слезъ, или выраженія своихъ чувствованій стонами и восклицаніями. Считалось недостойнымъ для самурая выдавать свои душевныя волненія выраженіемъ лица. «Онъ не обнаруживаетъ ни горя, ни радости,» — было фразой, употреблявшейся по отношенію къ человѣку сильной воли. Самыя естественныя чувства сдерживались. Отецъ не ласкалъ своего сына, мужъ — своей жены; въ интимномъ кругѣ еще допускалось это, но при народѣ этого не должно было случаться. Много правды въ замѣчаніи одного остроумнаго молодого человѣка, когда онъ сказалъ: «американскіе мужья цѣлуютъ своихъ женъ въ обществѣ и бьютъ въ частной жизни, японскіе же бьютъ ихъ въ обществѣ и ласкаютъ въ частной жизни».

Спокойствіе, ясность духа не должны быть возмущаемы выраженіемъ какой бы то ни было страсти. Во время послѣдней войны съ Китаемъ массы народа собирались провожать своихъ родственниковъ, уѣзжавшихъ умирать за родину. Европейцы приходили сюда смотрѣть, ожидая шумнаго проявленія горя при разставаніи; поѣзда же уносили уѣзжавшихъ при полной тишинѣ, — не было слышно ни стоновъ, ни плача...

И дѣйствительно, рѣдко когда вослиганный человѣкъ жалуется на свою судьбу. «Почувствуешь ты пятно на своей совѣсти, раздражайся не рѣчью, но работой надъ тѣмъ, чтобы изгладить его уединенно и спокойно», читаемъ мы въ дневникѣ одного самурая.

ХІІ.

Высшее проявленіе умѣнья владѣть собой выразилось въ возникновеніи страннаго и даже смѣшнаго на взглядъ европейца института—хара-кири, т. е. лишенія себя жизни черезъ вспарываніе живота. Хара-кири есть собственно названіе вульгарное, на болѣе же литературномъ языкѣ этотъ актъ извѣстенъ подѣ именемъ сеппуку, или кашуку. Съ этимъ институтомъ у японцевъ связываются самыя возвышенныя движенія человеческой души. Этотъ актъ является символомъ новой, лучшей жизни для японца, какъ крестъ у христіанъ—прежнее орудіе мученій и смерти. Какой же смыслъ этого установленія?

Для выбора живота при совершеніи самоубійства имѣлось основаніе въ старыхъ анатомическихъ представленіяхъ всѣхъ людей древняго міра, въ томъ числѣ и японцевъ. Животъ считался мѣстопребываніемъ души и чувствъ. И актъ вспарыванія живота означалъ: «я открою вамъ свою душу и обнаружу чувства,—убѣдитесь сами, правъ я или виновенъ». И великіе философы древности, слава которыхъ живетъ по нынѣ въ Европѣ, не отказывались принять чашу мученій и смерти, хотя и могли бы избѣжать ее, таковы: Христосъ, Сократъ, Брутъ и др. Для яснаго пониманія сеппуку нужно помнить, что это не было только процессомъ самоубійства. Это былъ институтъ узаконенный и торжественный. Продуктъ среднихъ вѣковъ, это былъ актъ, которымъ воины заглаживали свои преступленія, исправляли свои ошибки, избѣгали безчестія, выручали своихъ друзей и доказывали имъ свою вѣрность. Когда сеппуку получило значеніе какъ законное наказаніе, то оно стало производиться съ надлежащими церемоніями. Это было утонченное самоубійство и никто не могъ совершить его, не обладая спокойствіемъ духа и хладнокровіемъ и по этимъ-то причинамъ оно было привилегіей буси.

Митфордъ такъ описываетъ эту церемонію.

«Мы, семь иностранныхъ представителей, были приглашены слѣдовать за японцемъ, офиціальнымъ свидѣтелемъ сеппуку, въ хондо, или главный залъ храма, гдѣ должна была происходить вся церемонія. Съ потолка свѣшивались огромныя позолоченныя лампы и украшенія, составляющія типичную черту буддійскаго храма. Впереди высокаго алтаря, тамъ, гдѣ полъ, покрытый красивыми чистыми циновками, поднимается на 3—4 вершка, былъ постланъ шерстяной коверъ ярко краснаго цвѣта. Высокія свѣчи были размѣщены черезъ правильные промежутки и проливали тусклый таинственный свѣтъ, только-только достаточный для того, чтобы все происходившее

было видно. Семь японцевъ заняли мѣста на возвышенной части пола слѣва, а семь иностранцевъ справа. Никого больше не было.

«По прошествіи нѣсколькихъ минутъ тревожнаго ожиданія, Таки Дзендзабуро, мужественный съ виду человѣкъ, 32 лѣтъ отъ роду, съ благородной осанкой рыцаря, вошелъ въ комнату, одѣтый въ церемоніальное платье съ особенными, изъ хлопчатой бумаги, рукавами, — одежда, которая надѣвается въ исключительныхъ случаяхъ. Его сопровождали каисяку и три чиновника, которые были одѣты въ дзимбаори, или военные плащи съ протканными золотомъ украшеніями. Про выраженіе каисяку должно замѣтить, что оно не соответствуетъ нашему слову палачъ: обязанности этого человѣка при сешпуку самья благородныя, — во многихъ случаяхъ онъ выполняетъ родствоиникомъ, или другомъ осужденнаго и отношенія между осужденнымъ и каисяку скорѣе отношенія дуэлиста и секунданта, чѣмъ — жертвы и палача. Въ данномъ случаѣ обязанности каисяку исполнялъ ученикъ Таки Дзендзабуро и онъ былъ выбранъ друзьями послѣдняго за искусство владѣть мечемъ.

Имѣя каисяку на лѣво отъ себя, Таки Дзендзабуро медленно приблизился къ японцамъ свидѣтелямъ, которымъ оба они поклонились; послѣ этого онъ подошелъ къ иностранцамъ и привѣтствовалъ ихъ точно такимъ же поклономъ; на каждый его поклонъ ему отвѣчали тѣмъ же. Медленно и съ большимъ достоинствомъ онъ всталъ на колѣни на возвышенной части пола, распростерся дважды передъ высокимъ алтаремъ, потомъ онъ сѣлъ на коверъ спиной къ алтарю, а каисяку присѣлъ слѣва. Одинъ изъ присутствующихъ чиновниковъ всталъ, взялъ подносъ, употребляющійся при жертвоприношеніяхъ, на которомъ лежалъ завернутый въ бумагу вакидзаси, — кинжалъ 9 1/2 дюймовъ въ длину, съ острымъ, какъ бритва, лезвіемъ. Все это онъ, распростершись, вручилъ осужденному, принявшему подносъ съ полнымъ почтеніемъ. Подержавъ его обѣими руками надъ своей головой, осужденный положилъ его впереди себя.

Послѣ глубокаго поклона Таки Дзендзабуро голосомъ, свидѣтельствовавшимъ о такомъ сильномъ волненіи, какое можетъ чувствовать только человѣкъ, который дѣлаетъ въ высшей степени тяжелое для себя признаніе, но не выражаетъ этого на своемъ лицѣ, или манерой держать себя, сказалъ:

«Я, и одинъ только я, недозволенно далъ приказаніе стрѣлять въ иностранцевъ въ Кобе и снова повторилъ приказаніе, когда они попытались бѣжать. За это преступленіе я совершаю хара-кири и прошу васъ, здѣсь присутствующихъ, сдѣлать мнѣ честь быть свидѣтелями этого».

Поклонившись еще разъ, говорившій спустилъ свое верхнее платье до пояса и обнажилъ такимъ образомъ до пояса свое тѣло. Заботливо, согласно обычаю, подбжалъ онъ рукава подъ колѣна, чтобы это помѣшало ему упасть на спину, потому что благородный японецъ долженъ умирать, только падая впередъ. Обдуманно, твердой рукой онъ взялъ лежавшій передъ нимъ кинжалъ, посмотрѣлъ на него пристально, почти съ любовью, за тѣмъ онъ остался недвижимъ и, казалось, какъ-бы собиралъ свои мысли; но это продолжалось только одно мгновеніе. Глубоко вонзивъ себѣ кинжалъ пониже талии съ лѣвой стороны, онъ медленно провелъ кинжаломъ на правую сторону и, повернувши клинокъ, провелъ имъ кверху. Во время этой, невыносимо мучительной операціи ни одинъ мускулъ на его лицѣ не дрогнулъ. Когда онъ вытащилъ кинжалъ, онъ наклонился впередъ и вытянулъ шею, — выраженіе боли отразилось въ первый моментъ на его лицѣ, но онъ не издалъ ни одного звука.

Въ это время кайсяку, находившійся рядомъ и внимательно наблюдавшій за всѣмъ происходившимъ, быстро вскочилъ на ноги и взмахнулъ своимъ мечемъ въ воздухъ. Одинъ мигъ, затѣмъ послышался сильный, быстрый ударъ и паденіе съ грохотомъ тѣла; — однимъ ударомъ голова была отдѣлена отъ туловища. Послѣдовало мертвое молчаніе, нарушаемое потокомъ крови, изливавшейся изъ неподвижной головы. всего лишь одну минуту передъ этимъ принадлежавшей мужественному, рыцарски храброму человѣку. Это было ужасно.

Кайсяку сдѣлалъ низкій поклонъ, обтеръ свой мечъ кускомъ бумаги, специально приготовленной для этого, и сошелъ съ возвышенной части пола. Окровавленный мечъ, это кровавое доказательство бывшей сцены, былъ торжественно унесенъ. Два представителя микадо подошли къ иностранцамъ — свидѣтелямъ происшедшаго и просили ихъ засвидѣтельствовать фактъ смерти Таки Дзендзабуро. Церемонія окончилась и мы оставили храмъ».

Прославленіе сенику въ народѣ естественно породило не мало искушеній къ совершенію недозволеннаго закономъ, дабы заслужить себѣ такую почетную смерть. Въ случаяхъ, не имѣвшихъ совершенно здравыхъ оснований, или по поводамъ, далеко недостойнымъ смерти, — горичія головы бросались на смерть, какъ наѣкомыя на огонь. Жизнь была дешева, а смерть считалась выѣской популярности въ потомствѣ. Между тѣмъ, по Вусидо, сѣншитъ для самурая смертью и домогаться ея, считалось трусостью. Типичный боецъ, когда проигрывалъ сраженіе, то на полѣ битвы преслѣдуемый съ долины на гору, изъ роуи въ пещеру, онъ скрывался, наконецъ, одинъ въ темномъ дуплѣ дерева; его мечъ былъ тупъ отъ употребленія, его

копье было сломано и стрѣлы выпли, даже при такихъ обстоятельствахъ считалось трусостью умирать. И вотъ съ мужествомъ, достойнымъ христіанскаго мученика, онъ подвергалъ себя чрезвычайнымъ лишеніямъ и нуждѣ.

Такимъ образомъ Бусидо учило: «переноси и прогнѣвой всѣмъ бѣдствіямъ и несчастіямъ съ терпѣніемъ и чистой совѣстью, помня, что Менъцзы учитъ, — когда небо собирается пожаловать великую службу, оно воспитываетъ умъ терпѣніемъ, кости и жилы закаляетъ постояннымъ напряженіемъ ихъ; оно подвергаетъ тѣло голоду и чрезвычайной бѣдности; оно препятствуетъ предпріятіямъ. Всѣмъ этимъ оно побуждаетъ умъ, закаляетъ натуру и помогаетъ слабости. Истинная честь состоитъ въ исполненіи предписаній неба и смерть, которая посылается небомъ, честна, въ то время какъ смерть для того, чтобы избѣжать велѣній неба, есть трусость. «Благородно презирать, но тамъ, гдѣ жизнь ужаснѣе смерти, высшая храбрость есть смѣть жить».

И такъ, по Бусидо, институтъ сеппуку не является ни варварскимъ, ни варварскимъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Ниже мы увидимъ, что институтъ этотъ имѣетъ большую связь съ местию, или вѣрнѣе удовлетвореніемъ ея. Для оправданія этого института, или какъ его называютъ обычая, нужно имѣть въ виду, что онъ имѣетъ мѣсто у всѣхъ народовъ и не вышелъ изъ употребленія у народовъ цивилизованныхъ странъ. Между дикими племенами, не знающими брака, прелюбодѣяніе — не грѣхъ и только ревность любовника защищаетъ любимое существо отъ оскорбленій; подобно этому, въ такія времена, когда не было суда надъ преступниками, убійство по чувству мести не было преступленіемъ и бдительное народное отмщеніе охраняло социальный порядокъ. Тоже самое можно сказать и о цивилизованныхъ странахъ въ отношеніи преступленій, которыя по своей интимности не могутъ подлежать общественному суду. «Какая самая прекрасная вещь на свѣтѣ?» спросилъ Озирисъ Хоруса. Отвѣтъ былъ: «отметить за несправедливость по отношенію къ родителямъ» и — по отношенію къ патрону, могъ-бы добавить японецъ.

Въ мести есть нѣчто такое, что удовлетворяетъ чувство справедливости. Мститель разсуждаетъ: «Мой добрый отецъ не заслуживалъ смерти. Тотъ, кто убилъ его, совершилъ величайшій грѣхъ. Мой отецъ, если бы онъ былъ живъ, не потерялъ бы дѣла, подобнаго этому, — само небо ненавидитъ зло. Воля моего отца, воля неба, чтобы обнажившій несправедливо мечъ отъ меча и погибъ. Онъ долженъ погибнуть отъ моей руки, такъ какъ онъ пролилъ кровь моего отца; я, — его плоть и кровь, — долженъ пролить кровь убійцы. Одно и то же небо не можетъ быть надъ нимъ и мной».

Разсужденія, можетъ быть, не глубоки, просты и дѣтки наивны, но они показываютъ внутреннее чутье справедливости. Въ чувствѣ мести, точно также, какъ въ математическихъ уравненіяхъ, не будетъ удовлетворенія до тѣхъ поръ, пока не будутъ приведены въ должное соотношеніе обѣ стороны.

Въ іудействѣ потребность эта выразилась въ вѣрованіи въ Бога — мстителя для злоторащихъ; у грековъ — въ вѣрованіи въ существованіе Немезиды; во всѣхъ этихъ случаяхъ мщеніе было выше человѣческой руки. И Бусидо узаконило чувство мести, какъ родъ нравственнаго удовлетворенія, являющагося слѣдствіемъ потребности справедливости, въ случаяхъ, гдѣ люди не могли судиться по общему человѣческому закону. Господинъ 47 Рюниновъ былъ осужденъ на смерти; онъ не имѣлъ высшей инстанціи, куда бы могъ апеллировать и его вѣрные слуги прибѣгли къ мести, — высшему установленію; они, по закону, были осуждены за свой поступокъ, но народный инстинктъ разнится отъ судейскаго и поему память объ этихъ рыцаряхъ такъ-же свѣжа и зелена до сего дня, какъ могила ихъ въ Сенгакудзи.

Хотя Лао-цзы и училъ, что на обиду должно отвѣчать добротой, но голосъ Конфуція былъ громче, — Конфуція, который говорилъ, что обиду надо заглаживать справедливостью.

По ученію Бусидо, мстить позволялось только за высшаго или покровителя. Несправедливость же по отношенію къ самому себѣ, включительно до жены и своихъ дѣтей, должно было безропотно сносить и терпѣть.

Оба эти института — сеппуку и отмищеніе потеряли свой *raison d'être* послѣ обнародованія уголовного кодекса. Мы болѣе не слышимъ о романтическихъ приключеніяхъ прекрасной дѣвушки, выслѣживающей переодѣтую убійцу своего отца. Мы не можемъ быть свидѣтелями семейныхъ трагедій, порожденныхъ желаніемъ мести между двумя фамиліями. Хорошо организованная полиція бдительно слѣдитъ за преступленіями, а законъ строго наказываетъ преступниковъ. Удовлетворенное чувство справедливости не нуждается болѣе въ «катаки-уци», — въ убійствѣ врага.

Что касается сеппуку, то хотя оно и не существуетъ *de jure*, но мы еще слышимъ время отъ времени о случаяхъ хара-кири, и думается, что долго еще будемъ слышать о такихъ случаяхъ. И это потому, что сеппуку не есть проявленіе фанатизма, или безумія, или же отчаянія, но есть сознательный разумный актъ, съ которымъ въ народномъ сознаніи соединены лучшія представленія о героизмѣ и высшей чести.

Въ 1869 г. было сдѣлано на съѣздѣ представителей феодальныхъ князей секретаремъ его Оно Сэнгоро — предложеніе, въ первый разъ приглашавшее уничтожить институтъ хара-кири. 200 членовъ изъ 209 участни-